
Глава VIII
РАЗУМ И ИСТОРИЯ

Итак, была некогда история, но теперь ее больше нет.

Маркс о Прудоне

«Основы философии права» — последняя книга, написанная Гегелем¹. Однако в четырнадцатитомном русском собрании сочинений философа она занимает лишь седьмой том: почти половину литературного наследия образуют курсы лекций. Они увидели свет посмертно, их основной текст составляют студенческие записи.

Лекции по философии всемирной истории Гегель начал читать в 1822 году и затем успел их повторить четыре раза. В виде написанной Гегелем рукописи сохранилось лишь введение к курсу, озаглавленное «Разум в истории». В этом названии — суть концепции. Вместе с тем здесь сформулирована проблема, которая стоит сегодня гораздо острее, чем сто пятьдесят лет назад. Какова связь между разумным началом и развитием общества? У нас больше оснований задумываться над подобным вопросом, чем у предшествовавших поколений. Гегель поставил его и пытался на него ответить.

Философия истории — важнейшее звено учения Гегеля. Здесь прежде всего находит свое оправдание и применение диалектическая логика, в частности идея тождества противоположностей, которая и по сей день смущает (если не сказать возмущает) сторонников формального мышления. Здесь возникла идея развития; здесь сконцентрировано политическое кредо мыслителя.

В эпоху Гегеля исторический процесс только начинал складываться как единый, глобальный, как всемирная история, наиболее драматические события которой были еще впереди. В эпоху Гегеля знание о прошлом делало только первые шаги; наиболее существенные открытия, их систематизация и осмысление еще ждали исследователя. Не удивительно поэтому, что философско-историческая концепция

Гегеля пронизана кричащими противоречиями: гениальные прозрения сосуществуют здесь с удивительной близорукостью, научные выводы с явным мифотворчеством.

Историческое знание имеет свою историю. Аристотель, опираясь на опыт античной историографии, пришел к выводу, что задача истории — правдивое описание единичных событий, которые происходят в жизни людей. Римский сатирик Лукиан, автор первого теоретического сочинения на эту тему — «Как писать историю», впервые произнес фразу, которая приобрела характер методологического принципа много веков спустя после того, как Ранке повторил ее: история должна повествовать о том, «как было дело». С возникновением христианства родилась концепция исторического процесса как некоего целого, проходящего определенные стадии развития. Блаженный Августин насчитывал шесть ступеней в развитии человечества, полагая, что современная ему эпоха открывает последнюю страницу истории перед неким завершением, которое ознаменуется победой сил добра над силами зла. Дальнейшее развитие исторической мысли шло либо по направлению, указанному Аристотелем и Лукианом, либо по пути Августина. Нередко обе эти тенденции совмещались.

Философия истории Гегеля продолжает и в известной мере завершает «линию Августина», подготавливая почву для системного рассмотрения общества. Было бы, однако, несправедливо утверждать, что великий диалектик не замечал значения эмпирического знания в истории. Гегель различал философскую историю и историческую историю. Первая, по его мысли, исследует «мировой дух» во внутренней необходимой связи отдельных ступеней его развития, вторая преследует ту же цель, но «делает это внешним образом, исследуя события и непосредственные причины, как они видимым образом проявляются в случайных обстоятельствах и индивидуальных характерах». Если первая, отвлекаясь от жизненной пестроты, живописует «серым по серому», то произведения второй «дают достаточно простора для художественной деятельности». В «Лекциях по эстетике» есть несколько интересных страниц, посвященных этой стороне дела. Историческое описание, отмечает Гегель, близко искусству, но не является таковым. Это проза, а не поэзия. Существуют три особенности, отличающие историческое описание от поэзии. Во-первых, история обращает внимание непосредственно на всеобщее — законы, учреждения, общественную жизнь. Во-вторых, она фиксирует индивидуальное и случайное. Поэтому в исторической прозе гораздо больше

причудливого, гораздо больше отступлений, чем у поэтических чудес, которые неизменно должны считаться с общезначимым. Наконец, историк не может не замечать разлада между субъективным своеобразием деятельности людей и неизбежным для общего дела сознанием законов. Короче говоря, история не знает той гармонии, которая является необходимой характерной чертой поэзии, и историк должен рассказать то, что перед ним находится и как оно ему дано, не переиначивая и ничего поэтически не привнося.

Таким образом, не обоснованы упреки, обращенные к Гегелю по поводу того, что он якобы полностью игнорирует описательную функцию истории. Справедливо лишь то, что Гегель стремится к синтезу двух типов исторического знания и отдает явное предпочтение теории.

Философия истории Гегеля занята отысканием и изучением разумного субстанциального начала в развитии общества. Истина есть система, философия есть наука об истине; следовательно, философия истории должна построить систему понятий, выражающих закономерные связи, внутренне присущие развитию человечества.

Но как перейти от индивидуального к субстанциальному? Уже в начале XVIII века Дж. Вико высказал мысль о том, что в результате совокупной деятельности людей возникает нечто иное по сравнению с тем, какие цели ставил перед собой тот или иной человек. Цели людей и результаты их деятельности не совпадают. Эта мысль встречается также у Канта и Гердера. Гегель шел по их стопам, формулируя то, что он назвал хитростью разума². Гегель, продолжая традицию Просвещения, одновременно порывает с нею. Говоря о праве разума, просветители имели в виду право человека. Для Гегеля разум — некое надындивидуальное всемирно-историческое начало. Право мирового разума выше частных прав. Мировой разум имеет право быть расточительным и беспощадным. «...Он делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил; он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело *en grand*, у него достаточно народов и индивидуумов для этой траты»³. Разум не только расточителен, он хитер, прямо-таки коварен. Хитрость разума состоит в опосредующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь *свою собственную* цель.

Живые индивидуумы и народы, в поисках добываясь своего, в то же время оказываются средствами и орудиями чего-

то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют. Историческая деятельность человечества складывается из действий людей, вызванных реальными интересами каждой личности. Каждый человек преследует свои собственные индивидуальные цели, а в результате из его действий возникает нечто иное, что было в его действиях, но чего не было в его намерениях. Человек, который из мести поджигает дом своего соседа, вызвал пожар, уничтоживший целый город. Результат, порожденный действием преступника, вышел далеко за пределы его намерений. Нечто подобное происходит и во всемирной истории.

Средневековая христианская идея истории как промысла божьего, общности людей в осуществлении высших целей выступила у Гегеля в сочетании с пониманием роли, которую играет индивид, наделенный сознанием и волей. Философия истории Гегеля утверждала творческую активность личности, но предупреждала о том, что в деятельности человека есть нечто надиндивидуальное, содержащееся в поступках, но отсутствующее в намерениях. Здесь была выражена идея социального начала, порождаемого совокупным действием массы людей.

Гегелю удалось правильно нащупать ту сферу, где взаимно погашаются индивидуальные, а следовательно, незакономерные действия людей, где за выступающей на поверхности игрой случая можно обнаружить железную необходимость. В § 189 «Основ философии права» речь идет о ситуации, складывающейся в области народного хозяйства: «Почва здесь или там более или менее плодородна; годы различаются между собой по урожайности; один человек трудолюбив, другой ленив. Но этот кишмя кишущий произвол порождает из себя всеобщие определения, и факты, кажущиеся рассеянными и лишенными всякой мысли, управляются необходимостью, которая сама собой выступает. Отыскание здесь этой необходимости есть задача политической экономики, науки, которая делает честь мысли, потому что она, имея перед собой массу случайностей, отыскивает их законы»⁴. Действительно, экономика представляет собой ту сферу, где жизнь общества приобретает в первую очередь характер массового процесса, где социальная закономерность проявляется с полной определенностью. Чтобы увидеть действие социального закона, надо обратиться либо к массовому процессу, либо к достаточно большому отрезку истории. Законы общества носят статистический характер. Поиски разума в истории привели к обнаружению исторической закономерности.

Диалектика перехода массовой случайности в необходимость открывает соблазнительную возможность экстраполировать действие тех или иных социальных законов на всю историю человечества. Гегель фактически так и поступил, попытавшись представить весь путь, пройденный человечеством, в виде некоей единой, замкнутой системы развития разума. Ее внутреннюю структуру должны были выразить формы мысли — категории диалектики, ее реализацию во времени — философия истории.

Молодой Гегель — современник революции — жил утопической мечтой о возвращении золотого века, возрождении античной демократии. Он был убежден, что стоит на пороге новой эпохи, которая ознаменуется крушением неравенства и деспотизма и утверждением идеалов разума, свободы и демократии.

Позднее Гегель, переживший крушение французской революции и монархии Бонапарта, судит об истории более осторожно, хотя и не менее мифологично. Философия истории, по его мнению, не вправе давать прогнозы и советы на будущее. Она наука о том, что есть, и как таковая не может выйти за пределы современного мира. Как бы в подтверждение подобной мысли, изложенной в предисловии к «Основам философии права», Гегель заканчивает этот свой труд разделом «Всемирная история», содержащим апологию «нордического принципа германских народов»⁵, призванных развернуть государство в «образ и действительность разума»⁶. Мифологический строй мышления проявляется в том, что вся предшествующая история рассматривается как некая подготовка ситуации, в которой живет философ, и того развития событий, которое ему представляется желательным.

Политический прагматизм здесь сочетается с разработкой идеи прогресса, поставленной в повестку дня научного исследования революционными бурями XVII—XVIII веков и интенсивным экономическим развитием Европы. Гегель продолжает уже сложившуюся традицию и обогащает идею прогресса новым содержанием. По его мнению, в обществе происходит непрерывное движение от низшего к высшему. В связи с этим Гегель иронизирует над идеей о первоначальном райском состоянии человека. Гегеля не смущает и то обстоятельство, что его взгляды не совпадают с утверждениями Библии. Не решаясь, однако, полностью отвергнуть авторитет последней, он говорит, что в Ветхом завете первоначальное состояние человечества обрисовано лишь в немногих общих чертах; Адама следует рассматривать как одно лицо, целый народ находиться в райском состоянии не мог.

Гегель сделал значительный шаг вперед по сравнению с немецкими просветителями в понимании диалектики общественного развития, но его успехи были связаны с известной потерей некоторых результатов, достигнутых предшественниками. Для Гердера, например, история человечества есть непосредственное продолжение естественной истории. Гегель резко противопоставляет человеческое общество природе. Только в обществе происходит развитие. При всем бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется: в природе ничто не ново под луной, и в этом отношении многообразная игра ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое. Природа существует только в пространстве, дух проявляется во времени, и таким образом его проявлением служит всемирная история.

Начало человечеству кладет дух, однако последний существует сначала «в себе», в свернутом состоянии и лишь постепенно разворачивает свое богатство. История для Гегеля начинается с того времени, когда человеческая разумность превращается из возможности в действительность, определяющим признаком чего является возникновение государства. На этом основании Гегель не считает первобытное состояние человечества предметом исторического исследования. Распространение языка и формирование племен лежит за пределами истории. История начинается с появления государственных образований. Государство, смена его форм есть точнее определяемый предмет всемирной истории.

История идет вперед в силу необходимости. Учение об исторической необходимости не приводило, однако, Гегеля к фаталистическим выводам. Пафос лекций Гегеля состоит в утверждении активности человека. «Ничто великое в мире не совершалось без страсти»⁷. Этот афоризм Гегеля показывает, что он был далек от взгляда на историю как на автоматический процесс, где люди выступают лишь в роли марионеток. И даже государство, которое для Гегеля реально существует как нечто всеобщее, проявляет себя лишь в индивидуальной воле и деятельности.

Вместе с тем великий идеалист был далек и от идеализации исторических личностей. Философское рассмотрение истории, говорил Гегель, не допускает такого рода выражения, как, например: «Государство не погибло бы, если бы нашелся человек, и т.д.». На первый взгляд кажется, что великие люди, герои творят историю «сами из себя», произ-

вольно. Однако на самом деле они ограничены эпохой, их заслуга состоит лишь в понимании того, что является своевременным. В этом смысле исторические деятели наиболее пронизательные люди. Великий человек для Гегеля тот, чьи личные цели совпадают с исторической необходимостью.

Жестокому осмеянию подвергает Гегель тех, кто пытается подойти к оценке исторических деятелей с субъективной меркой, кто осуждает их за страсть и настойчивость, проявляемые в борьбе за осуществление своих целей. Для того чтобы понять значение великого человека, надо самому обладать широким кругозором; для лакея не существует героя.

Историческая личность подчас бывает вынуждена растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути, но оценивать ее деятельность надо с точки зрения не потерпевшего индивидуума, а исторического целого. К историческому процессу неприменимы критерии благих пожеланий и добродетельных сентенций. Развитие человечества — это не гармоническое развертывание добра и счастья. «Всемирная история не есть арена счастья. Периоды счастья являются в ней пустыми листьями, потому что они являются периодами гармонии, отсутствия противоположности»⁸.

Проникновение в диалектический характер исторического процесса иногда приводит Гегеля к материалистическим идеям. Человек со своими потребностями относится к внешней природе практически; удовлетворяя свои потребности с помощью природы, он ее преодолевает, действуя при этом в качестве посредника. Дело в том, что предметы природы могущественны и оказывают всякого рода сопротивление. Чтобы покорить их, человек вставляет между ними другие предметы природы и изобретает для этой цели орудия. Эти человеческие изобретения принадлежат духу, и такое орудие должно быть поставлено выше, чем предмет природы.

Материалистические нотки звучат и в некоторых гегелевских мыслях о государстве. Он утверждает, например, что настоящее государство и правительство возникают лишь тогда, когда имеется различие сословий, когда очень большими становятся богатство и бедность и когда возникают такие отношения, при которых огромная масса людей уже не может удовлетворить свои потребности так, как она удовлетворяла их раньше.

Субстрат эмпирической истории для Гегеля — развитие абсолютной идеи, мирового духа. Конкретизируя это понятие, Гегель говорит о народном духе, который воплощает в себе единство законов, государственных учреждений, рели-

гии, искусства и философии. Прогресс во всемирной истории осуществляется всегда каким-то одним народом, дух которого является носителем мирового духа на данном этапе его развития. Другие народы либо изжили себя, либо еще не дошли до необходимой стадии развития, поэтому они играют подчиненную роль.

Цель всемирной истории — познание мировым духом самого себя. Таковую же цель имеет и каждый определенный народный дух; он не может успокоиться и ничем другим заниматься до тех пор, «пока не узнает, что он собой представляет». Осуществление этой цели означает вместе с тем начало упадка: познавая себя, народный дух видит свою конечность, ограниченность и открывает дорогу другим, более высоким принципам. Зрелость народа превращается в старость; он уступает свое место, однако созданные им плоды не пропадают. Плоды дают семена, но семена другого народа, которому время зреть.

Исходя из своей концепции, Гегель устанавливает и определенный критерий общественного прогресса, на основании которого он строит свою периодизацию всемирной истории. Это «прогресс в сознании свободы, который мы должны познать в его необходимости»⁹. Человечество, развиваясь, постепенно приходит все к более глубокому пониманию свободы. Восточные народы еще не знают, что дух или человек свободен как таковой; так как они не знают этого, то они не свободны; они знают только, что один свободен, но именно поэтому такая свобода оказывается лишь произволом, дикостью, тупостью страсти. Следовательно, этот один оказывается лишь деспотом, а не свободным человеком. Только у греков появилось сознание свободы, и поэтому они были свободны, но они, как и римляне, знали только, что некоторые свободны, а не человек как таковой; этого не знали даже Платон и Аристотель. Поэтому у греков не только были рабы, с которыми была связана их жизнь и существование прекрасной свободы, но и сама эта свобода отчасти являлась случайным, недолговечным и ограниченным цветком. Лишь германские народы дошли в христианстве до сознания, что человек как таковой свободен, что свобода духа составляет самое основное свойство его природы.

Сказанное, однако, не означает, что в центре философско-исторической концепции Гегеля находится человеческая личность, богатство ее неповторимого духовного мира. Увы, человек, о котором идет здесь речь, всего лишь абстрактный представитель человеческого рода, некий человек

вообще. Индивид, по сути дела, не цель, а средство, средство благоденствия и развития государства. История начинается лишь с появления государства и «завершается» установлением идеального, «истинного государственного устройства». «Государство существует для самого себя. Оно есть божественная идея как она существует на земле»¹⁰. Ортега-и-Гасет имел все основания назвать учение Гегеля философией Цезарей и Чингисханов.

Двоющим образом гегелевская система истории вступает в противоречие с его методом, с идеей историзма. Во-первых, она совершенно произвольно останавливает процесс развития человеческого общества и познания на некоем состоянии, которое представляется философу идеальным.

Интереснее, однако, другое обстоятельство: историзм как метод мышления предполагает рассмотрение социальной структуры в непрерывном развитии, когда исчезают старые закономерности и появляются новые. Если так, то, следовательно, невозможно охватить единой системой развивающееся целое. В этом смысле существует известное противоречие между идеями последовательного историзма, развитыми в «Феноменологии духа», и принципами, которые лежат в основе «Науки логики» и «Философии истории». Любая система категорий, даже самых «гибких», переходящих в свою противоположность и т. д., представляет все же формальную схему, упрощающую действительность, как бы останавливающую процесс развития. А когда перед нами ряд систем, сменивших друг друга в процессе развития, то подойти к ним с единой меркой просто невозможно.

Каждое общество, каждая эпоха, каждая культура, иногда даже страна, рождают свои собственные локальные специфические закономерности, которые и раскрывают подлинный смысл исторического бытия на том или ином этапе развития. Исследователь, руководствующийся принципом историзма, выделяет в развитии человечества целостные системы и к каждой из них подходит с соответствующей меркой. Изучение той или иной завершенной системы, лежащей перед глазами историка, задача хотя и сопряженная с определенными трудностями, но все же поддающаяся безошибочному решению. Путь уже пройден, и никто, кроме мысли историка, вторично по нему не пойдет. В гораздо более затруднительном положении оказывается историк современности, которая представляет собой систему незавершенную, открытую, многовариантную в своем поступательном движении. Любая развивающаяся действительность содержит в себе не одну, а ряд возможностей, и диалектическое

мышление восстает против попыток игнорировать какую-либо из них.

Существует огромный соблазн à la Гегель замкнуть в мыслях открытую систему и через свое представление о будущем истолковать прошлое и настоящее. При составлении социального прогноза нужно учитывать, что общество располагает несколькими вариантами развития, и зачастую трудно предсказать, какой из них будет реализован.

Огромное значение в формировании исторического процесса приобретает случайность. Диалектика позволяет различать два типа случайностей: одни выступают в роли более или менее адекватного воплощения необходимости, взаимно «погашаясь» в массовом процессе или способствуя выявлению и действию определенной закономерности; другой тип случайности, являясь для данного процесса чем-то посторонним, как бы вторгаясь со стороны, может внести в необходимость серьезные, подчас роковые коррективы. Гегель видел в истории только первый тип случайности.

Для Гегеля история всегда существовала как всемирная история, как замкнутая, финалистски детерминированная разумная система. Между тем слишком много социальных явлений, закономерно и необходимо возникших, не могут быть оправданы с точки зрения человеческого разума. XX век в этом отношении дает ярчайшие примеры. Внести разум в историю — это задача, которую человечеству предстоит еще решить.

* * *

Вернемся, однако, к гегелевским «Лекциям по философии всемирной истории». У Гердера есть сравнение человечества с путником, который с востока отправился в дальнее путешествие. Его путь лежит на запад; он отдыхал на берегах Тигра и Евфрата, затем вышел к Нилу, обошел все побережье Средиземного моря и, наконец, углубился в Европейский материк. Нечто подобное мы находим и у Гегеля. Его мировой дух бредет по земной планете, все выше поднимаясь к вершинам самопознания. Древний Восток — его младенческое состояние, Греция — юность, Рим — зрелость, германский мир — старость, однако не дряхлая, а исполненная сил и разума.

Итак, направление всемирной истории — с Востока на Запад, солнце восходит на востоке, и человек при виде расцвета предается радости и удивлению, затем при свете дня, когда окружающие предметы обретают четкие контуры, он

переходит от созерцания к деятельности, в процессе которой создается внутренний мир, внутреннее солнце. И когда вечером, на закате он взирает на это светило, то ставит его выше, чем первое, внешнее солнце.

На Востоке люди являются чем-то несущественным. По Гегелю, в восточном характере тесно переплетаются между собой два с первого взгляда друг другу противоречащих определения: стремление властвовать над всем и покорное подчинение любому рабству. В «Лекциях по философии всемирной истории» он пытается проиллюстрировать эту мысль прежде всего на примере Китая. Здесь человек безропотно повинуется либо власти отца в семье, либо власти государя, которая имеет патриархальный характер. Поэтому в Китае господствует абсолютное равенство, но нет свободы. Все частные интересы неправомерны, иерархия чиновников и военных точнейшим образом отрегулирована и целиком зависит от императора, равно как и благосостояние страны и народа. Все здесь контролируется сверху, поэтому нет чувства чести, моральной точки зрения. Здесь не существует на деле различия между рабством и свободой; перед императором все равны, то есть практически бесправны. Здесь преобладает сознание униженности, легко переходящее в сознание низости, и народ считает себя созданным лишь для того, чтобы влечь колесницу императорского величия.

Индия для Гегеля является столь же неподвижной и устойчивой государственной системой. Некоторый прогресс по сравнению с Китаем он видит лишь в том, что из деспотического единства здесь вычленяются самостоятельные общности — касты, которые, однако, настолько окаменели в своей замкнутости, что это сказывается и на внутреннем мире человека. Индийский народ, как и китайский, обречен на унижительное рабство. Здесь нет ни нравственности, ни справедливости, ни религиозности. Индусы не наступают на муравьев, но безжалостно дают гибнуть людям низшей касты. Над этим окаменением господствует произвол. Гегель считает, что значение индийской культуры преувеличивается, а ее влияние может быть отнесено лишь к доисторической эпохе, к периоду, когда еще не сложился государственный принцип.

Впервые этот принцип обнаруживается в Персидском царстве, и персы являются первым историческим народом. Правда, Гегель не слишком утруждает себя подлинной периодизацией и последовательностью изложения, в разделе о Персии он рассматривает судьбы Египта, Вавилона, Мидии и Ассирии; все эти восточные деспотии, не в пример Китаю

и Индии, оказываются ближе к современности. В Персии впервые появляется свет духа. Гегель видит его в принципе единства противоположностей — добра и зла, в характерном для персидской религии зороастризме. Всемирная история начинается с Персии.

Собственно претечей греческой эпохи в персидском мире выступает Египет, который, подобно Китаю и Индии, погружен в сосредоточенное замкнутое созерцание природы. Египетское государство находится в застывшем состоянии, но египетский дух уже стремится высвободиться из природных форм, он доходит до внешнего созерцания путем искусства.

У греков мы сразу чувствуем себя дома, пишет Гегель, начиная раздел, посвященный античности. Греческий мир для него радостен и привлекателен, он видит в нем юношеский возраст человечества; здесь веет свежестью, жизнь духа выступает как одухотворенная чувственность. Эта эпоха открывается Ахиллесом, юношей поэтического вымысла, а реальный юноша — Александр Македонский завершает ее. В Греции прекращается погружение в природу благодаря расчлененности территории, состоящей из множества островов и земель на материке, похожих на острова. Земноводное существование греков, стихия моря способствовали интенсивному культурному и торговому обмену, колонизации и т. п. Сухопутная раздробленность и чужеродность преодолеваются в течение первого периода греческой культуры, и в процессе этого преодоления развивается прекрасная человеческая индивидуальность — средоточие греческого духа.

Вся жизнь греков пронизана духом искусства, и даже их государство представляет собой «политическое художественное произведение». Оно уже не патриархально, здесь господствует подлинная демократия, покоящаяся на нравственном образе мыслей, привычке жить для отечества. При демократическом строе открывается наибольший простор для сильных характеров. Внимание Гегеля привлекает Перикл, который, по его словам, является «Зевсом в божественном кругу афинских индивидов» — ученых, художников, полководцев, государственных деятелей. Афины были государством, «жившим для прекрасного», соединявшим в себе интерес к общественным делам и к запросам человеческого духа, мужество и практический смысл.

Афинам Гегель противопоставляет Спарту, где абстрактный культ государства отодвигал на задний план свободу индивидуальности. В результате ни наука, ни искусство, ни образованность не привились у спартанцев. Это были упря-

мые, неуклюжие люди, пригодные лишь для военного дела. Не удивительно, что они одержали победу в Пелопоннесской войне, окончившейся падением Афин. Но победа спартанского государства была началом его конца; упадок наступает в результате испорченности нравов.

Последний взлет греческого духа ознаменовала собой империя Александра Македонского. Азиатский поход Александра решил оружием старый спор между Востоком и Западом, принес на Восток западную культуру и открыл европейцам азиатский мир. Организация и план похода, военный гений и личная храбрость Александра, его покровительство наукам и искусству всегда будут предметом восхищения. Гегель предпочитает не вспоминать о кровавых расправах, которые учинял царь Македонии над самыми близкими своими соратниками, укрепляя свою абсолютную власть. Александра он идеализирует так же, как в свое время Наполеона, уверяя, что к всемирно-историческим личностям неприменимы критерии морали.

Римская история — эпоха возмужалости человечества. Здесь исчезает свободная индивидуальность как органический элемент культуры, но закладываются формальные основы свободы человека, покоящейся, по убеждению Гегеля, на праве частной собственности. Государство носит аристократический характер и выступает как самоцель. И искусство и религия Древнего Рима отличаются рассудочностью и прозаичностью.

Гегель прослеживает историю возникновения, расцвета и распада Римской республики. Ее гибель не была случайной, ее погубил не Цезарь, а необходимость. Римский принцип целиком основывался на насилии и военной власти, республика изжила себя. Цезарь понял это и фактически уничтожил лишь ее тень. Брут и Кассий убили Цезаря под влиянием «замечательного заблуждения», они полагали, что его господство — дело случая, если устранить этого человека, республика восстановится сама собой. Но сразу же выяснилось, что Римом может править только одно лицо, и только тогда римляне поверили в монархический принцип. Любой исторический переворот, подчеркивает Гегель, санкционируется в мнении людей, когда он повторяется. Благодаря повторению то, что сначала казалось лишь случайным, становится действительным фактом.

Императорский Рим столь же необходимо, как и республика, пришел к распаду и гибели. Развитие частного права привело к разложению политической жизни. Император царствовал, но не правил, между ним и его подданными все

больше разрывалась живая связь, в народе исчезало сознательное отношение к отечеству, все сильнее распространялось политическое равнодушие. Человек всецело предавался чувственным удовольствиям.

Римский мир с его беспомощностью и страданием оттого, что он покинут Богом, подготовил почву для нового возрождения духовной жизни. И она родилась в еще более возвышенной, чем раньше, форме. Гегель имеет в виду появление христианства. Благодаря императору Константину христианская религия стала господствующей в Риме, но это уже не могло спасти его. Империя рухнула под ударами германских племен.

Историю германского мира Гегель расчленяет на три периода. Первый начинается с появлением германских народов на территории Римской империи и завершается империей Карла Великого. Во втором периоде возникают теократические государства и феодальные монархии. В XVI веке начинается третий период, в котором создается государственная жизнь, соответствующая требованиям разума.

Гегель уделяет некоторое внимание мусульманству, правда, лишь для того, чтобы обвинить его в ретроградном стремлении возродить восточный покой и неподвижность. Он едва-едва упоминает о славянах. Хотя славянские племена основывали государства и мужественно боролись с врагами (поляки даже освободили осажденную Вену от турок), Гегель все же исключает их из своего обзора. России, впрочем, в одном из своих писем (мы это уже знаем) он предсказывал большое будущее.

Германцы начали с того, что разлились, как поток, покорили одряхлевшие цивилизованные государства; и лишь тогда началось их развитие, вызванное соприкосновением с чужой культурой, религией, государственным строем. Они восприняли христианство и стали носителями христианского принципа. Проходили века, постепенно возникали отдельные нации и монархии. Суровость дубовой сердцевины германской души обуздывалась и смягчалась дисциплиной церкви и крепостного права. В результате человечество шло к свободе не столько от порабощения, сколько посредством порабощения.

Крестовые походы Гегель объясняет исключительно религиозными мотивами: стремлением христиан «освободить» Гроб Господень. Обогранные кровью убитого населения Иерусалима крестоносцы пали ниц у Гроба Спасителя и обратились к нему со смиренной молитвой. В рассказе об этих неистовствах и контрастах католической церкви у протес-

танта Гегеля звучат нотки иронии. От самого Христа, говорит он, нельзя было найти никаких реликвий, ибо он воскрес. Христианство нашло пустой гроб, а не связь мирского и вечного, и поэтому потеряло Святую землю. Благодаря крестовым походам Церковь исказила дух христианской религии, но упрочила свой авторитет.

Развитие государственности подрывало феодальные отношения. Против дворянского партикуляризма было найдено могучее средство — порох. Человечество нуждалось в нем, и он тотчас же появился. Огнестрельное оружие уничтожило замки и укрепленные пункты внутри страны, уравняло в правах сословия. Исчезла рыцарская храбрость, но получила развитие более высокая доблесть, чуждая личной страсти, ибо стреляют в нечто общее, в абстрактного врага.

Для человечества постепенно проясняется небо духа. Изобретение книгопечатания, бегство ученых-греков из Византии, поработенной турками, открытие Америки знаменуют собой утреннюю зарю Нового времени, наступившую за ночью Средневековья. Но подлинный восход солнца пришел лишь с Реформацией.

Реформации Гегель придает особое значение. Лютер, по его мнению, восстановил дух христианства, извращенный католической церковью. В ходе Тридцатилетней войны протестантизм отстаивал свое право на политическое существование. Его оплотом стала Пруссия. Если в бытность свою в Йене Гегель весьма отрицательно относился к Пруссии и ее прошлому, то теперь он занимает прямо противоположную позицию. Фридрих — это «герой протестантизма», «король-философ», который дал единственный пример того, как отец заботится о благе своего домашнего круга, старательно обеспечивает благо своих подданных и энергично правит ими.

И в ту же эпоху католическая Франция была царством несправедливости, суровых притеснений народа, испорченности нравов. Ликвидация изживших себя порядков могла совершиться лишь насильственно. Началась великая революция. «Это был великолепный восход солнца. Все мыслящие существа праздновали эту эпоху. В то время господствовало возвышенное трогательное чувство, мир был охвачен энтузиазмом, как будто лишь теперь наступило действительное примирение божественного с миром»¹¹. Отношение Гегеля к различным этапам французской революции и последующим событиям мы знаем. Его вывод: без Реформации подлинная революция невозможна, а там, где произошла Реформация, революция не нужна.

Заключительные страницы «Лекций по философии всемирной истории» посвящены снова Пруссии. Прусская монархия представляется Гегелю завершением развития мирового духа, идеалом государственного устройства. Характерно, что Гегель видит в Пруссии буржуазную монархию, чем тогда она еще не была, он хвалит ее за то, что в ней еще не было осуществлено. «Ленные обязательства отменены, принципы свободы собственности и личности стали основными принципами. Доступ к государственным должностям открыт каждому гражданину, но умение и пригодность являются необходимыми условиями. Государством управляет мир чиновников, и над всем этим стоит личное решение монарха»¹². В данном случае Гегель принимал желаемое за действительное, но само желание увидеть в своей стране сочетание буржуазных принципов с абсолютизмом было весьма показательным.

Мировой дух, начавший свой путь в бескрайних просторах Азии, пировавший с греческими богами на Олимпе, вошедший в походы римских цезарей, крестоносцев и санкюлотов, ныне обосновался в Берлине; он обрел покой в должности чиновника, одряхлел и мирно дожидается выхода на пенсию. Грандиозный замысел осмыслить всемирно-исторический процесс как единое целое обернулся наивной попыткой оправдать окружающую философа унылую действительность.